

Кира Измайлова

ВЕДЕТСЯ СЛЕДСТВИЕ

Annotation

Это самый обычный мир, в котором живут простые люди. Но где люди, там и преступления... Особо важными из них занимается генеральный следователь Руперт Бессмертных и его команда. Команда, впрочем, подобралась своеобразная: стажер, который вечно ищет истину где-то поблизости; секретарь, в прошлом военный биолог, а ныне знаменитая писательница и пятидесятикратная вдова; офицер суда с дурной привычкой заполнять расстрельный приговор на каждого встречного... А еще скромный военврач с темным прошлым, двое ушлых оперативников и беарийский варвар со своей ротой. Они способны раскрыть любое преступление!

Кира Измайлова
Ведется следствие

Глава 1

Колье королевы, труп и другие неприятности

На Центральном вокзале царила кутерьма: пёстрая толпа атаковала вагоны третьего класса, на грузовые платформы поднимали нечто, закутанное во много слоёв непромокаемой ткани; чистая публика солидно и неспешно занимала места в вагонах первого и второго классов. Громадный локомотив уже стоял под парами, готовясь к отправлению: Большой Королевский экспресс всегда прибывал и убывал минута в минуту, и ни война, ни что иное не могло помешать его путешествию. Так, во всяком случае, полагали пассажиры, и уверенность эту старательно поддерживали представители Королевской паровозной компании.

Возле грузовых вагонов творилась какая-то суета.

– Сгружайте, – приказывал солидный служащий, и грузчики, пыхтя, брались за некий предмет, занимающий открытую платформу почти целиком.

– Не смейте! – бросался на защиту груза невысокий человечек в чуть великоватом сюртуке. По лицу его сразу можно было опознать камердинера при важной особе. – Господин Сверло-Коптищев не может в дороге без своего рояля!

– Господин Сверло-Коптищев вполне может воспользоваться тем роялем, что стоит в салоне первого класса, – успокаивающе гудел басом служащий компании.

– Никогда! Никогда мой господин не сядет за мерзкий инструмент, невесть как и кем настроенный и созданный руками неизвестных мастеров! – выпятил грудь камердинер, – господин предпочитает...

– Сгружай, – приказал откуда-то сверху еще более густой бас, – именем Кароля.

Рабочие, собравшиеся уже было перекурить, живо встрепонулись и в два приема переправили громоздкий рояль на перрон. Надо сказать, несколько слишком поспешно, и внутри инструмента что-то жалобно зазвенело. Очевидно, теперь роялю уж точно потребовалась бы настройка...

– Что вы себе позволя... – повернулся к обладателю грозного баса камердинер и осёкся.

Над ним возвышался великан в черном френче с орденскими колодками и в юбке в красную клетку, чуть ниже колена длиной. Ухоженная белокурая борода гиганта завитыми кольцами падала на бочкообразную грудь, на голове красовалась лихо сдвинутая набекрень меховая шапка, украшенная хорошо знакомым всем обитателям столицы и не только символом – треугольником с разделенным по горизонтали кругом внутри (нижняя половина круга была красной, в верхней красовалась цифра). Судя по этому знаку (если бы перепуганный камердинер дал себе труд присмотреться и вообще разобрался в подобных вещах), на платформе оказался гвардеец Восьмой роты Красного полка в чине поручика... И, судя по всему, вместе с ним явилась вся рота: толпа угрюмых, рослых, белокурых и светлоглазых, как на подбор мужчин, которых предпочитали обходить стороной даже самые отъявленные забияки. Гардейцев набирали... вернее, покупали у правителя соседней большой северной страны, Беарии, занимавшей большую часть континента, Мит-Тяя Первого. На границе всегда было неспокойно: горные племена не давали покоя мирным купцам, и в итоге соседи объединились и провели совместную усмирительную операцию, увенчавшуюся оглушительным успехом. С тех пор Беария (на чьей стороне в основном и

шалили негодяи) исправно поставляла на службу соседу избыток своих воинственных жителей, разумеется, ко взаимной выгоде. Те служили не за страх, а за совесть (воевать они умели отменно и делали это с большим удовольствием), искренне мечтая когда-нибудь собрать своих родственников и служить уже всем кланом... Некоторым это даже удавалось.

И вот теперь рота гвардейцев отправлялась куда-то по пути следования Большого экспресса, и это не могло не удивлять обывателей.

– Грузись, – приказал подошедший фельдфебель подчиненным и сам поставил на приступку мощную ногу в крепком ботинке, обтянутую уставного цвета шерстяным гетром. Поручик наблюдал за происходящим скучающим взглядом, поглаживая бороду. – Барахло – вон.

– Но... – попытался было пискнуть камердинер (должно быть, это был самый смелый поступок в его жизни), однако его проигнорировали.

– Па-аберегись! – раздалось откуда-то сбоку.

Грузчики, сдержанно ругаясь (сквернословить при гвардейцах было делом опасным – никогда не угадаешь, что именно оскорбит беарийского варвара), заводили на грузовую платформу что-то огромное. Тали жалобно поскрипывали, груз погромыхивал. Под защитного цвета чехлом угадывались очертания парового броневика, а гремел, должно быть, ротный котёл, подвешенный сзади, – предмет особой заботы и гордости гвардейцев.

Камердинер счел за лучшее ретироваться, не переставая грозить всевозможными карами (начиная от жалобы руководству паровозной компании и заканчивая... впрочем, ничего большего он сделать не мог).

Гвардейцы дисциплинированно погрузились в вагон, бесцеремонно вышвырнув оттуда остатки багажа – чьи-то тюки, чемоданы... (Служащий компании немедленно подозвал помощника – проследить, чтобы имущество пассажиров осталось в целости и сохранности, – а сам отправился в контору, полечить нервы крепкой травяной настойкой, и вряд ли кто осудил бы его за это.) Фельдфебель принял рапорт о погрузке, потом лично пересчитал подчиненных (считал он десятками, загибая пальцы; всего набралось пять раз по две руки без двух человек, и это его удовлетворило), доложил поручику, что все на месте, а броневик закреплен как следует, и тоже забрался в вагон...

...Вся эта суматоха не могла не привлечь внимания пассажиров первых классов.

– Ну, как всегда, с шумом и грохотом, – проговорил высокий седой мужчина, не отрываясь от газеты и вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь. Сюртук его и пальто были безупречны и элегантны, ухоженные пышные бакенбарды подпирал крахмальный воротничок, а затянутые в черные перчатки руки могли принадлежать даже представителю королевской семьи.

– Полагаю, погрузить броневик бесшумно за столь короткий промежуток времени было бы затруднительно, – пожалла точеными плечиками молодая дама в меховом манто.

Еще один мужчина, невысокий и лысоватый, в ответ только пренебрежительно хмыкнул. Дама посмотрела на него с интересом, ожидая пояснений, но их не последовало.

– Идемте уже по вагонам, уважаемые, – сказал он. – С минуты на минуту отправление.

Не дожидаясь ответа, он прошел, заметно прихрамывая, по платформе к вагонам второго класса и вскоре исчез в чреве Большого Королевского экспресса.

– Идем и мы, – седой мужчина сложил газету, вынул карманные часы и, щелкнув крышкой, подтвердил: – Да, наш дорогой доктор прав. Чтобы не искать своё купе в спешке, лучше пройти в вагон сейчас же.

Он галантно предложил руку молодой даме и последовал собственному совету. Проводник учтиво поклонился и даже не спросил билета.

Вслед за седовласым направились еще двое – молодой человек изрядного роста, одетый явно в подражание патрону (в этом сомнений не возникало; жаль лишь, воротничок был тесноват, что явно причиняло юноше некоторые неудобства), и другой, постарше, с цепким взглядом очень темных глаз, с дорогим дипломатом, который он не выпускал из рук ни на мгновение.

Основная масса пассажиров уже заняла свои места, двери купе почти не пропускали звуки, поэтому в коридоре было совсем тихо, только возмущался где-то господин Сверло-Коптищев, так жестоко лишенный любимого рояля...

– Вот ваше купе, дорогая Каролина, – произнес седой мужчина. – Искренне надеюсь увидеть вас за ужином во всём блеске.

– Приложу к этому все возможные усилия, – ответила молодая дама, и тяжелая дверь купе отрезала ее от спутников.

– Сюда, уважаемые, – снова поклонился невесть откуда взявшийся проводник. – Прошу...

– Дэвид, зайдите сперва ко мне, – сказал пожилой предводитель этой странной компании. – Или вас тяготит моё общество?

– Никоим образом, господин Бессмертных, – улыбнулся в ответ юноша в тесном воротничке. – Вы ведь грозились за время пути принять у меня зачёт по самостоятельно освоенному материалу.

– Пол?.. – повернулся мужчина к спутнику с черным дипломатом, но за ним уже закрылась дверь. – Хм... хорошо, что у него нет соседа. В путешествии первом классом есть неоспоримые преимущества...

– А что такое? – живо заинтересовался Дэвид, проходя в купе.

– Видите ли, друг мой, – сказал Бессмертных, – Пол никогда не расстается со своим чемоданчиком...

– Это я заметил, – невежливо перебил юноша.

– В прямом смысле слова, – продолжил пожилой мужчина, не обращая внимания на бестактность. – Кроме того, он предпринимает все возможные меры для предотвращения возможного покушения на него. Особенно если едет с незнакомым человеком.

– О!.. – сказал Дэвид впечатлено и примолк.

– Самая малая неприятность, – произнёс Бессмертных, снимая пальто и аккуратно вешая его на крючок, – которая может грозить спутнику нашего уважаемого Пола – так это невозможность открыть на ночь окно. Впрочем, ночи нынче прохладные, а в поезде превосходная вентиляция, поэтому, полагаю, такое можно было бы пережить. А вот капканы у двери – я выражаюсь фигурально, Дэвид, не смотрите на меня так; Пол давно перерос столь банальные приёмы, – это уже намного... гхм...

– Понимаю, – кивнул юноша и хотел что-то спросить, но в это мгновение паровоз дал свисток, да такой, что заложило уши.

Под полом что-то содрогнулось, зарокотало – Большой Королевский экспресс отправился в путь. Вот разве что некоторые пассажиры на сей раз немного отличались от обычной публики, путешествовавшей этим гигантом (ширина колеи составляла четыре ярда с небольшим).

Перрон начал медленно удаляться – пропали позади провожающие, машущие

разноцветными платками и шарфами, потом привокзальные постройки...

– Что ж, – сказал Бессмертных, посмотрев на юношу. – Чтобы не терять времени попусту – а до ужина времени еще немало, – давайте-ка, Дэвид, займемся делом. Перечислите мне, что вы успели проштудировать из рекомендованной мною литературы?..

Дэвид вздохнул и передал начальнику список с отмеченными галочками пунктами.

– Прекрасно! – обрадовался тот. – Надеюсь, вы действительно штудировали эти труды, а не пролистали их на досуге? Впрочем, о чем это я, откуда у вас досуг... Ну-с, приступим!

Юноша сделал глубокий вдох и спешно мобилизовал все мыслительные способности. Они должны были ему очень пригодиться, равно как и натренированная память. Что делать, большими талантами стажёр Дэвид Дубовны не обладал, зато был упрям и очень настойчив. Это упорство в поисках истины и заметил как-то генеральный следователь прокуратуры по особо важным делам, сам легендарный Руперт Бессмертных... и за это Дэвиду предстояло сейчас расплачиваться.

– Итак, до ужина – отставить политес, – ожидаемо сказал следователь. – Ситуация такова... – он вчерне обрисовал её. – Начинайте, я слушаю.

И Дэвид начал...

В вагоне второго класса тем временем невысокий лысоватый человечек, поименованный доктором, педантично раскладывал одежду. Его клетчатый саквояж аккуратно пристроился в ногах полки. Соседа всё не было, и доктор позволил себе негромко замурлыкать под нос мало кому известную мелодию...

В купе напротив еще двое мужчин тоже обустроивались, только более замысловатым образом. Один, долговязый и сухощавый, с лицом отъявленного поэта-неудачника, старательно простукивал стены, внимательно вслушиваясь большими оттопыренными ушами, но, похоже, не находил никаких каверз. Второй, маленький, совершенно лысый, со шрамом на физиономии, имел вид отпетого уголовника. Этот проверял, как открывается окно, сохраняя на лице чрезвычайно угрюмое выражение.

– Вот смотрю я на тебя, Берт, – сказал долговязый, закончив со своим странным занятием и присев на полку, – и, поверишь ли, так и тянет документы у тебя проверить!

– Удивил, – буркнул маленький. – У меня всякое утро такое желание возникает, как только в зеркало взгляну... Нашел чего?

– Ровным счетом ничего, – пожал плечами тот. – А у тебя?

– И у меня пусто. До ужина времени прорва. Сыграем, может, в кости?

– С тобой, Берт, играть – это вовсе идиотом надо быть, а у меня пока голова на месте, – хмыкнул его сосед. – Чтобы ты опять у меня месячное жалованье выиграл? Не-ет, иди, других дураков поищи... Вон, к доктору сходи!

– Ага, сам иди... – передернулся маленький, достал тяжелый талер и принялся играть сам с собой в орлянку. Всё время выпадал гордый профиль Кароля XVII Отважненьких.

Долговязый хмыкнул, вытащил из чемодана толстую папку, вынул машинописные листы и принялся читать, грызя карандаш и время от времени делая пометки на полях.

– Чего у тебя там, а, Ян? – спросил Берт, покосившись на товарища. – Очередной опус?..

– Ага... – ответил тот, не отрываясь от чтения. – Знаешь, чем дальше, тем меньше она ляпов делает.

– Ну так! – хмыкнул Берт. – Втянулась всё-таки. Не первый день работает! А интересно хоть?

– А то! Я вот ошибки ищу, а сам всё думаю, чем же дело кончится!

– А тебе еще далеко до конца? – спросил маленький.

– Ну... – Ян оценил толщину папки. – Половина где-то.

– А дай пока первую половину почитать! Всё равно делать нечего... – преувеличенно равнодушно протянул Берт.

– Держи, – сунул тот ему рукопись. – Может, тоже чего-нибудь заметишь.

Берт довольно вздохнул, покосился на название – «Кривой, Хромой и месть Горбатого», гласило оно, – и погрузился в чтение. Одним из многих преимуществ их с Яном службы была возможность знакомиться с произведениями популярнейшей писательницы Каролины Кисленьких (по которым даже сняли многосерийную ленту, прогремевшую во всех кинематографах) задолго до выхода их из печати...

Каролина же тем временем прихорашивалась перед зеркалом, решая, какую причёску выбрать для сегодняшнего ужина. Заключила, наконец, что простота и элегантность – лучший из возможных вариантов, – и взялась за гребень и шпильки. В купе она оказалась одна, и никто не мешал ей экспериментировать... хотя помощь камеристки иной раз пришлась бы кстати. Но Каролина была не из тех дам, что пасуют перед мелкими трудностями, и привыкла обходиться своими силами... Да и до ужина, в конце концов, было еще предостаточно времени!

– Недурно, – произнёс, наконец, Руперт Бессмертных и щелкнул крышкой брегета. – Однако надо мыслить шире. Ты, Малой, утыкаешься в одну версию и упорно не замечаешь очевидного. Но, надеюсь, с опытом это пройдет.

Судя по выражению лица Дэвида, он тоже искренне на это надеялся.

– Так, – сказал следователь, возвращаясь к нормальной манере общения. – Пора переодеваться к ужину. Идите к себе, Дэвид, у вас достаточно времени, чтобы привести себя в порядок.

Подождав, пока за стажером закроется дверь купе, Бессмертных вызвал проводника.

– Чего изволите-с? – спросил тот, всей своей фигурой изображая несказанное уважение к важной особе и желание любыми силами оной особе услужить.

– Вот что, любезный, – сказал Руперт, – мне нужно, чтобы за ужином присутствовали три персоны, следующие вторым классом.

– Но... гхм... – проводник на мгновение замялся. – Прошу прощения, господин, однако...

Следователь вынул чековую книжку и вечное перо, небрежно черкнул что-то и протянул чек упрямцу.

– Обеспечьте, – просто сказал он и отвернулся, лишив себя замечательного зрелища вылезающих из орбит глаз проводника.

– Непременно-с... – тот попятился к двери. – Обязательно обеспечим-с... Не извольте беспокоиться...

Когда за ним затворилась дверь, Бессмертных неслышно усмехнулся в усы и принялся придирчиво осматривать вечерний костюм. За ужином в вагоне-ресторане первого класса, да еще в Большом Королевском экспрессе следовало появляться при всём параде. К счастью, условия путешествия, даже и такого дальнего, были безупречны. Предупредительные стюарды всегда готовы были вычистить одежду, в поезде имелась даже собственная прачечная, постельное белье менялось ежедневно, и всегда можно было отдать, скажем, рубашки в стирку, после каковой они возвращались безупречно чистыми и идеально накрахмаленными.

В соседнем купе проверял, хорошо ли вычищены туфли, Дэвид Дубовны. Ему прежде не приходилось бывать в подобном обществе, и он не желал ударить в грязь лицом.

В купе напротив Пол Топорны, не выпуская из поля зрения своего дипломата, приглаживал специальной щеточкой безупречно подстриженные виски и поправлял манжеты.

Чуть дальше по коридору Каролина Кисленьких прихорашивалась перед зеркалом, внося последние штрихи в тщательно продуманный образ. Что-то в этом образе ее не устраивало, вносило некий диссонанс... Подумав, она раскрыла потайное отделение в дорогом несессере, вынула набор каких-то флакончиков, поколебалась и выбрала один, из которого капнула что-то в неброско, по последней моде подведенные глаза. Подождала пару минут, снова посмотрела в зеркало и на сей раз удовлетворенно кивнула. Убрав флакончики в несессер, а несессер в чемодан, Каролина завершила наряд драгоценностями, вполне подходящими для этого вечера, и покинула купе.

В вагоне второго класса тоже готовились к ужину: незнакомый проводник, нервно подергивая щекой, передал, что господ из таких-то купе просят прибыть в вагон-ресторан первого класса и надеются, что они не заставят себя ждать.

Маленький толстячок доктор меланхолично полировал стёклышки пенсне, пока, наконец, не смог признать, что его взгляд на мир достаточно ясен. Он был гурманом, поэтому приглашение ему изрядно польстило.

В другом купе Ян и Берт строго осмотрели друг друга. Ян поправил Берту чуть съехавший набок галстук, а Берт указал долговязому спутнику на некоторую взъерошенность его шевелюры, сам же тщательно протер лысину бархатной тряпочкой, отчего та нестерпимо засияла.

Все были готовы к выходу в свет.

Первыми к столу явились генеральный следователь со своим подопечным (у стажера костюм, право, был не столь элегантен и пошит далеко не у такого дорогого портного, как у его начальника, но видно было, что юноша во всем берет пример со старшего товарища) и Пол Топорны с неизменным дипломатом. Взгляд на его мундир заставил изрядную часть присутствующих отвести взгляд — Топорны являлся офицером суда, а мало кто желал поближе познакомиться с представителями системы скоросудия поближе.

Следом подошёл доктор, раскланялся с присутствующими и занял свободное место таким образом, чтобы видеть вход и не оставлять никого за спиной. Это оказалось довольно сложным делом, но он справился, что выдавало в нем человека необычной судьбы (как, собственно, оно и было).

— Как вы устроились, Теодор? — поинтересовался следователь.

— Превосходно, — ответил доктор. — Правда, моего соседа я до сих пор не видел. Возможно, мне повезло, и удастся путешествовать в одиночестве...

— Не думаю, не думаю, второй билет в ваше купе выкуплен, — покачал головой Руперт.

— Ну, быть может, он просто опоздал, — пожал плечами Теодор, поглядывая, что подают дамам и господам за другими столиками. — Так или иначе, его отсутствие нимало меня не беспокоит.

— Может быть, следовало пригласить гвардейского поручика? — спросил Дэвид, чтобы заполнить возникшую паузу. — Он ведь знатного рода...

— Почему вы так решили? — приподнял бровь следователь.

— У него имя заканчивается на «тйяй», — ответил стажёр, — Вит-Тяй, а такие имена в

Беарии имеют право носить только родовитые люди.

– Вы не вполне безнадежны, – признал Бессмертных.

– Так что, послать за ним?

– Право, не стоит, – негромко произнёс доктор, а следователь молча кивнул, подтверждая его правоту, после чего спросил, чтобы сменить тему беседы:

– А где наши оперативники? Если вы скажете, что они постеснялись прийти, я не поверю.

– Совершенно верно сделаете, – кивнул доктор. – Но, боюсь, они опоздают. Когда я выходил, они как раз обсуждали, достаточно ли просто запереть дверь или стоит всё же принять... гхм... определенные меры безопасности. Думаю, это займет у них какое-то время.

– Ну что ж, тогда подождем, – сказал следователь светским тоном. – Тем более, что наша прекрасная спутница тоже запаздывает... о, вот и она!

Мужчины дружно поднялись, приветствуя даму.

– Прошу извинить, господа, – ослепительно улыбнулась Каролина, вслед которой поворачивались головы всех мужчин старше десяти лет и большая часть женских. – Я никак не могла подобрать подходящие для этого вечера духи.

– Они обворожительны, – серьезно произнёс Руперт, коснувшись затянутых в тонкую перчатку пальцев молодой дамы.

Стюард пододвинул Каролине стул, остальные тоже расселись по местам.

– Прекрасно выглядите, – суховатым тоном произнёс Пол.

– Благодарю, – снова улыбнулась женщина. Услышать подобное от Топорны было большой удачей, а фраза эта могла считаться изысканнейшим комплиментом. – Пол, позвольте поинтересоваться, вы уже познакомились здесь с кем-нибудь?

– Никак нет, – коротко ответил тот и погладил дипломат, стоящий на соседнем стуле. – Но надеюсь исправить эту оплошность в самое ближайшее время.

Это было чем-то вроде семейной шутки, понятной только посвященным. У Пола Топорны имелась привычка, приобретенная за время службы в экспресс-трибунале: на любого нового знакомого он немедленно составлял расстрельный приговор, каковой затем бережно хранил, чтобы потом не тратить времени в случае чего. По правде сказать, привычка эта пустила настолько глубокие корни, что, будучи представлен Его величеству, Пол первым делом открыл дипломат, вынул бланк и быстро его заполнил, чем привел придворных в священный ужас. Самодержец, однако, не приказал отправить Топорны по месту тогдашней службы, но в прямо противоположном качестве, а рассмеялся, хлопнул офицера по плечу и попросил бумажку на память. (Бумажкой этой Кароль XVII потом многократно хвастал перед иностранными послами, уверяя, что ни у одного правителя, кроме него, нет расстрельного приговора. И был, кстати, совершенно прав.)

Таким образом, привычкой Топорны можно было как ужасаться, так и восхищаться, но в любом случае она была чрезвычайно полезна в некоторых обстоятельствах, за что Бессмертных очень его ценил и даже переманил в свою команду, посулив увлекательную работу. Что думал по этому поводу сам Пол, сказать сложно, поскольку он был редкостным молчуном и сухарём, и никто не мог наверняка утверждать, будто знает, что творится у него в голове и на душе (если таковая в принципе имелась).

– Только не разгоните всех сразу же, – серьезно попросила Каролина. – Ехать еще долго, вдруг захочется побеседовать с кем-нибудь, а он окажется насмерть вами перепуган...

С этими словами она опустила мантию из серебристого меха ниже, открывая декольте, и те соседи по вагону-ресторану, что могли видеть Каролину (как женщины, так и мужчины), самым плебейским образом разинули рты.

Право сказать, секретарь-делопроизводитель генерального следователя была очень хороша, а сегодня – особенно. Волосы она уложила в высокую, но достаточно строгую причёску; в темных волосах светилась серебристая прядь прямо над лбом, по последней моде. (Ее величество не так давно начала сесть, но как-то избирательно, а поскольку внешности своей уделяла преступно мало для царственной особы времени, то о краске для волос даже не задумалась. Двор же решил, что это выглядит просто очаровательно, и с тех пор темноволосые дамы выбеливали пряди, светловолосые, наоборот, чернили. В отличие от многих, Каролине подобное шло, вероятно, потому, что, опять же, в отличие от многих, у нее был недурной вкус.) Невероятно элегантное платье цвета маренго облегло изящную фигуру плотно, словно перчатка, и мягко расширялось книзу. Его оттеняло более светлого оттенка серебристое мантио. Стройную шею Каролины украшало роскошное сапфировое кольцо.

– Хм... – произнес следователь, присмотревшись к секретарю. – Каролина, дорогая, мне изменяет память, или же с утра глаза у вас были другого цвета?

– Другого? – изумился стажер.

– Именно, Дэвид, приглядитесь внимательнее. И начните уже обращать внимание на мелкие детали, иначе я могу в вас и разочароваться...

– Э-э... – протянул Дэвид, заглянув в веселые глаза молодой дамы.

– Вы хотите сказать, что не помните, какого цвета глаза у Каролины? – нахмурился Руперт. – Ну, это уж ни в какие ворота не лезет...

– Ну... то есть я хочу сказать... – начал тот, и Каролина поспешила спасти положение.

– Я решила, что надевать к зеленым глазам сапфиры – это признак дурного вкуса, только и всего, – сказала она и обворожительно улыбнулась.

Дэвид облегченно выдохнул, Руперт усмехнулся, Теодор непонятно хмыкнул, а Пол промолчал, как, впрочем, и обычно.

– Откуда же у вас такое дивное кольцо? – спросил Бессмертных.

– О... – Каролина очаровательно зарделась. – Это такая забавная история, право...

– Ну, пока мы ждем наших спутников, может быть, вы поведаете нам её?

– Право, мне неловко... Ну хорошо, – сдалась она. – Это случилось на премьерном показе ленты «Хромой и Косой против фальшивомонетчиков». Если помните, Ее величество почтила своим присутствием премьеру, и...

История в самом деле оказалась крайне забавной. Каролина, опьяненная славой (пусть критики ругали ее книги и фильмы заодно, утверждая, что описанного не может быть просто потому, что не может быть, но кассовые сборы говорили об оглушительном успехе) пообщалась с Ее величеством. Та, будучи дамой весьма современной и следящей за веяниями времени, как выяснилось, тоже почитывала детективные романы Каролины, приводя в ужас царедворцев, и даже взяла у нее автограф, чем покорила сердце писательницы. Вот только, кажется, дамы немного перебрали игристого вина, потому что как раз посередине показа, когда на экране тяжело раненный Косой тащил на себе еще более тяжело раненного Хромого, спасаясь от погони, и зал замер, Каролина, наклонившись к королеве, шепотом спросила:

– А сколько стоит такое чудесное кольцо, Ваше величество?

– Семьдесят тысяч, – не задумываясь, ответила та, поскольку именно эта сумма

вертелась у нее в голове со вчерашнего утра.

– Тогда по рукам, Ваше величество! – обрадовалась Каролина, чьи финансы вполне могли выдержать этот незначительный удар.

– По рукам, – твердо сказала королева, которой срочно нужно было купить новый паровой гоночный локомотив взамен разбитого позавчерашней ночью.

Так в темноте зала синематографа произошел исторический обмен: кольцо перешло в руки Каролины, а Ее величество получила чек на желаемую сумму. Плюс еще пять тысяч за серьги. «Это на усовершенствование», – объяснила королева.

Потом ходили слухи, что Его величество рвал и метал. Вроде бы говорил что-то вроде: «Как вы могли, этому колье ведь почти шесть веков!»

«Вот именно, как я могу носить такую старую рухлядь», – отвечала будто бы королева совершенно невозмутимо и с мечтательной улыбкой представляла себе новую покупку – замечательный локомотив вызывающе-красного цвета.

Разумеется, Его величество простил супруге это мотовство (тем более, что это было её фамильное кольцо, а не его), как прощал многое другое, в том числе увлечение локомотивами. Надо сказать, что в столице никогда не перекрывали дороги во время проезда августейших персон, в особенности королевы: и так мало было желающих оказаться на пути ее гоночного монстра с таранным бампером...

Правду говоря, Кароль XVII, тогда еще наследник престола, познакомился с будущей супругой именно после того, как она сбила его локомотивом. Первым, что увидел молодой человек, открыв глаза и кое-как сфокусировав взгляд, было лицо прекрасной девушки (коротко подстриженной, встрепанной, с полосой какой-то сажки на щеке и без шляпки), которая сосредоточенно била его по щекам, стремясь привести в чувство. «Живы? – сурово спросила будущая супруга, а это была именно она. Кароль с трудом кивнул, после чего дивное виденье бросило его и метнулось к локомотиву, причитая: – Вот олух! Бросился под колёса, помял мне крыло! Где я возьму денег на ремонт? Папенька меня убьёт!»

После этого образ Аниты Беленьких занял прочные позиции в сердце будущего самодержца. Завоевывал он её долго, но традиционные букеты, конфеты, приглашения на балы и прочие уловки не помогали. Анита одевалась подчеркнуто небрежно, вместо духов от неё частенько пахло солидом, а еще она могла после бала выгнать из-за руля шофёра Кароля и со словами «кто же так ездит, улитки несчастные!» показать класс. После этого шоферу приходилось прописывать успокоительное, локомотив когда просто полировать, когда перекрашивать целиком, а когда и ремонтировать, но Кароля это не останавливало. Наверно, он так бы и зачах от несчастной любви, если бы не совет куратора его курса (Кароль обучался на юридическом факультете). После очередного подарка – совершенно изумительного набора юного гонщика, сделанного на заказ в заморской стране, славившейся своими локомотивами, – сердце неприступной Аниты пало, и вскоре вся страна отмечала бракосочетание наследника. (За руль свадебного лимузина невесту, надо сказать, не допустили с очень большим трудом.)

Ну а куратора курса по любопытной случайности звали Рупертом Бессмертных...

– Прекрасная история, – сказал он и беззвучно поаплодировал находчивой Каролине.

Та смущенно зарделась.

– Просим нижайше простить за то, что заставили ждать нас, – раздался голос, и рядом появилась не неразлучная парочка – Ян и Берт. Их разбойничьи физиономии любопытнейшим образом контрастировали с безупречными одеяниями.

Оперативники по очереди приветствовали Каролину, потом начальство и остальных и скромно заняли свободные места.

Стюард, давно уже крутившийся поблизости в ожидании заказа, но не рисковавший приближаться без нужды – взгляд Пола Топорны останавливал подобную братию не хуже, чем мухобойка слишком назойливую муху, – оживился. Теперь он, с большим любопытством косясь на разношерстную компанию, предлагал то и это, расхваливал вина и десерты... К сожалению, старания его пропали втуне: у всех имелись собственные пристрастия, и экспериментировать они не любили.

Так и вышло, что Руперт Бессмертных с подозрением принимался к овсяной каше (у него разыгрался застарелый гастрит, заработанный еще по молодости, когда приходилось питаться на ходу и всухомятку, а то и вовсе забывать о еде), оперативники бодро расправлялись с большими отбивными (Берт – с телячьей, Ян – со свиной), демонстрируя при этом великолепные манеры. Дэвид предпочел перепелятину, а Пол Топорны с непроницаемым лицом орудовал ножом и отправлял в рот мельчайшие кусочки мяса по-беарийски (то бишь с кровью). Каролина отдала предпочтение нежнейшей рыбе, запеченной со сливками, с гарниром из овощей (она заботилась о фигуре, но иногда делала себе послабление). Доктор же, казалось, поставил себе целью перепробовать всё то, чего не рискнули отведать его сотрапезники, и теперь с аппетитом уничтожал очередное блюдо из экзотической восточной кухни. В тарелке его видны были щупальца, непонятная студенистая масса, подозрительного вида листья салата (а может быть, и водоросли), странные грибы и много других удивительных вещей, а полагавшиеся к этому блюду соусы пахли поистине оглушительно.

Затем был десерт – мороженое, свежие фрукты и ягоды со взбитыми сливками (Каролина тяжело вздохнула и всё-таки заказала землянику с шариком ванильного мороженого), а еще горячая выпечка и замечательные напитки...

– А ведь казалось бы, господа, повод для такого пиршества самый что ни на есть печальный, – задумчиво произнёс генеральный следователь, отставив тарелку. – Каролина, дорогая, вы намного лучше готовите овсянку... Да, о чем бишь я?

– О поводе, – подсказал стажёр.

– Дэвид, отвечать на риторические вопросы довольно глупо, – заметил Бессмертных. – Уж вам-то стыдно не знать, что уж чем-чем, а склерозом я не страдаю.

У Дэвида покраснели кончики ушей. Берт и Ян покосились на него с иронией, Каролина – с сочувствием. Доктор приканчивал какой-то диковинный волосатый фрукт, а Пол поглаживал дипломат и ни на кого не смотрел.

– Может быть, не стоит обсуждать это в вагоне-ресторане? – спросила Каролина.

– А где же еще прикажете? – развел руками Руперт. Даже за столом он не расставался с тонкими лайковыми перчатками, а почему – не знал никто. Каролина подозревала, но помалкивала, как и полагается хорошему секретарю. – В одно купе мы все попросту не поместимся, к тому же это будет выглядеть еще более подозрительно. В салоне... гхм... Если меня не обманывает слух, то distinguished господин Сверло-Коптищев всё-таки смирился с утратой любимого рояля и приник к клавишам здешнего несчастного инструмента. Боюсь, разговаривать в такой какофонии будет затруднительно, да и не похожи мы с вами на меломанов.

– И еще, мы ведь не шепчемся с заговорщицкими лицами, а как бы ведем светскую беседу, – добавил неожиданно Дэвид и снова зарозовел. – Это не должно привлекать

внимания, взгляните сами: все поглощены собственными разговорами...

– Совершенно точно подмечено, – кивнул Бессмертных. – Ян?

– Болтают о всяком разном, – сказал тот, поведя оттопыренным ухом. – Про нас ни слова, разве только вот те две дамы всё никак не успокоятся насчет колье госпожи Каролины.

У Яна Весло имелась замечательная способность, которой он очень гордился и которую генеральный следователь считал подарком судьбы. Оперативник обладал тончайшим слухом и не менее развитым обонянием, что не раз помогало в расследованиях да и просто в жизни.

– И никто не подойдет, чтобы подслушать, – подал голос доктор, промокнув губы салфеткой. – Ручаюсь.

– Ну, раз уж милейший Теодор ручается в этом, то можно говорить без опаски, – усмехнулся Руперт. Он знал, насколько обманчива внешность, кроме того, был посвящен в историю доктора, а потому доверял его суждениям. – Но всё же постарайтесь пользоваться иносказаниями, эти стюарды подкрадываются, как привидения... К сожалению, пока тем для обсуждения у нас немного. Документы были всем предоставлены...

Он выдержал вопросительную паузу. Остальные молча кивнули, удостоверяя, что с материалами ознакомились, после чего поступили с ними согласно инструкции.

– Какие-то идеи, предложения? – спросил Руперт. Он любил разговаривать с сотрудниками, хотя это вовсе не означало, будто он последует их совету. Это просто помогало ему размышлять. – Дэвид?

Стажер вздохнул и понурился.

– Слишком мало информации, – сказал он. – Не видя места пре... того места, говорить о чем-либо рано. Пока, насколько я понял, однозначно удалось определить только... э-э... способ совершения этого деяния. Орудие не найдено, следов тоже не обнаружено, мотивы неизвестны.

– Ну, насчет следов, положим, мы еще поспорим, – подал голос доктор и усмехнулся. Дэвид случайно заглянул в его печальные, как казалось из-за стёкол пенсне, глаза и невольно поёжился. Кажется, знакомые, травившие байки о том, что у судмедэксперта Теодора Немертвых разговаривают даже трупы, не сильно-то и привирали... – Но, как верно заметил наш юный спутник, уверенно говорить об этом мы сможем только на месте.

Ян согласно кивнул. Уж в том, чтобы отыскать какую-нибудь шерстинку, пылинку, оброненную преступником, ему равных не было. Так что доктору предстояло заниматься телом покойного, а оперативнику – рыскать по месту преступления и окрестностям. А там уж, глядишь, и Берт бы подключился...

(Надо отметить, что Бертран Гребло (настоящая его фамилия давно забылась, а это прозвание, очередной оперативный псевдоним, почему-то прижился, как родной, и даже вошел в финансовую отчетность подразделения; а, как известно, что записано в бухгалтерских книгах, не вырубишь и топором) был феноменально удачлив. Вследствие этого Берт всегда ожидал от жизни какого-нибудь особенного подлого подвоха, из-за чего всегда был мрачен и подозрителен. Его чувство юмора безболезненно мог переносить только Ян, поэтому они отлично сработались. Помимо того, если Ян говорил, что необходимо найти человека в сером шерстяном пальто (шерсть от овцы такой-то породы, пальто не менее пяти лет, сейчас сукно уже так не делают) – и вот ворсинка от него, Берт обычно очень скоро припоминал, что видел мужчину именно в таком пальто там-то и тогда-то, либо же натыкался на него случайно посреди людной улицы. Остальное было делом техники. Что поделать, подозрительность отлично помогает развивать наблюдательность, а от везения и

вовсе никуда не денешься...)

Впрочем, вслух Ян ничего не сказал, потому что панически боялся доктора. Он даже Пола Топорны с его расстрельными приговорами мог посчитать милейшим человеком, а уж генерального следователя и вовсе обожал, но вот доктор Немертвых... Увы, эту боязнь он мог скрывать, но преодолеть так и не сумел. Более того, Ян знал наверняка, что Берт испытывает к полноватому коротышке примерно такие же чувства, а почему – неведомо. Что поделать – обсуждать коллег за их спинами было не принято.

– Позвольте вопрос, – очнулся вдруг Пол.

– М-м? – сказал следователь.

– Мы прибываем на место одной командой или же каким-то образом разделяемся?

– Не вижу смысла, – пожал плечами Бессмертных. – Официальная депеша сообщает о прибытии группы в составе... нас всех. Я и сам бы не отказался пустить вперед хотя бы вот их, – кивнул он на оперативников, – но, к сожалению, дело оказалось слишком уж громкое, тут не до конспирации. Я ответил на ваш вопрос, Пол?

– Так точно, – ответил тот и снова замер, вперившись взглядом в стол, чтобы не пугать даму за соседним столиком (мало кому нравится, когда спину им буравят неподвижным взглядом).

Дело действительно вышло не громким, а просто-таки оглушительным. В далекой провинции оказался убит опальный и ссыльный деятель, некогда приближенный к Его величеству. Был он богат, происходил из знатной семьи, чем гордился («В моем роду никогда не было середнячков, – говаривал этот человек, – все мужчины шли по стопам предков и добивались своего!»), умён и прекрасно образован, но однажды не сошёлся во мнениях с Каролом XVII. Кто другой промолчал бы и возобновил беседу на следующий день, благо Его величество был хоть и упрям, но в то же время отходчив, но тут, как говорится, коса нашла на камень. Деятели припомнили его сомнительные аферы с государственной казной, кое-какие подозрительные связи с иностранными послами, еще что-то... и в два счёта выслали на дальнюю границу, в одно из имений. Его величество всё-таки был добр и не приказал конфисковать всё до последней нитки. Быть может, он рассчитывал поддержать спорщика в черном теле какое-то время, а затем дать ему возможность восстановить репутацию в монарших глазах, но, увы, судьба распорядилась иначе...

Кароль XVII пришел в чудовищное бешенство и, не долго думая, вызвал Руперта Бессмертных прямо из дома, забыв об этикете и прочей придворной ерунде. Генеральному следователю было прямо заявлено, что убивать бывших придворных деятелей имеет право только Его величество, а не какие-то там негодяи, и вообще, если бы надо было того прикончить, то экспресс-трибунал всегда под рукой! А посему следует немедленно разобраться, кто посмел присвоить себе чужие полномочия и смертельно оскорбить Его величество!

Руперт покивал, вздохнул и пошел оформлять командировку. Убийство есть убийство, кого бы ни прикончил неизвестный, а расследовать особо важные преступления – прямая обязанность господина Бессмертных...

– Ну что ж, это на сегодня, – решил он. – Ах да... Роли – обычные.

– Хорошо... – протянула Каролина и кокетливо хлопнула ресницами. Она виртуозно могла балансировать на грани между «прелесть, какая дурочка!» и «ужас, что за дура!» и умело этим пользовалась. Тем более, что ни первой, ни второй она не являлась.

Пол чётко кивнул и поднялся из-за стола. За ним последовал, прихрамывая, доктор, а

затем и все остальные.

И никто не обратил внимания на солидного, хорошо одетого господина, время от время бросавшего взгляды на Каролину (слишком много было таких господ), а теперь скомкавшего салфетку и поспешно отправившегося вслед за живописной группой в вагон первого класса...

* * *

Каролина Кисленьких готовилась ко сну. Приняв душ и облачившись в очаровательный пеньюар, она вытащила из прически шпильки и позволила волосам свободно рассыпаться по плечам. Посмотрелась в зеркало, осталась довольна – глаза уже начали терять синеву и к утру должны были обрести природный оттенок.

Каролина проверила запор на дверях купе и душевой, одной на два купе: кажется, сосед с той стороны запер свою дверь, так же поступила и она.

Тщательно расчесав густые локоны, заколов их на ночь и надев кокетливый чепчик, Каролина совсем уж было собралась погасить лампу и отойти ко сну, как вдруг услышала назойливое зудение.

– Ну что за дела! – неподдельно огорчилась она. Известно ведь, что один-единственный крохотный комарик способен начисто испортить любую ночь! Найти его никак не удавалось, маленький подлец отлично затаился. – Хорошо, погоди же...

Женщина проверила, хорошо ли закрыто окно, подсунула под дверь купе свернутый коврик, а под дверь ванной – покрывало, и преспокойно улеглась спать. Серебристое манто скользнуло ей на плечо, Каролина сонно погладила его, поудобнее укладывая у себя на шее, и вскоре забылась сном, не обращая внимания на зудение комара.

В купе очень сильно пахло духами Каролины и еще чем-то неуловимым...

Далеко за полночь, когда уже стихли рыдания рояля в салоне, терзаемого безутешным господином Сверло-Коптищевым, а проводник клевал носом в своём закутке, по коридору вагона первого класса бесшумно прошёл некто в туфлях на каучуковом ходу. Если бы кто-то мог увидеть его, то поразился бы сходству с неким господином, ужинавшим в вагоне-ресторане всего несколько часов назад, но увы – его никто не видел. Пассажиры спали и видели сны, да и, к тому же, нижнюю часть лица этот некто повязал черным платком.

Неизвестный остановился у двери купе – он успел заметить, как искомая персона входит именно в него, – вынул нечто, в чем проводник непременно признал бы копию универсального ключа, очень осторожно вставил его в скважину и так же осторожно повернул. На его счастье, засовов здесь не предусматривалось и, проникнув в едва приоткрытую дверь, он, не дыша, тут же притворил ее за собой.

Глаза его быстро привыкли к полумраку, благо, ночь выдалась ясной, и лунный свет заливал всё вокруг.

Незванный гость огляделся. Хозяйка купе спала, разметавшись на постели – резкие тени соблазнительно обрисовывали хрупкое плечико, лунный свет серебрил дорогое манто, которое дама невеста с чего решила положить поверх одеяла, да еще придерживала рукой.

Неизвестный невольно замер, потом вспомнил, во-первых, зачем пришёл, а во-вторых, что всё-таки нужно дышать. В купе сильно пахло духами – должно быть, дама забыла

закрыть флакон...

Но тут мужчина увидел то, зачем пришел, и разом забыл о духах и прочей чепухе. На крючочке для часов висело сапфировое кольцо, мерно раскачиваясь в такт движению поезда и весело искрясь в лунном свете.

В волнении мужчина машинально сдернул с лица платок — ему сделалось трудно дышать, сделал один осторожный шаг, другой... Остановился, взглянул на свои руки — они дрожали от нетерпения, — глубоко вздохнул, чтобы успокоиться...

Странный, ни на что не похожий запах заполнил ноздри, в висках застучало, глаза застелила мутная пелена, перехватило дыхание...

— Пушистик, ну не шуми... — проговорила сквозь сон Каролина и повернулась на другой бок.

Утро выдалось ясным. С первыми лучами солнца Каролина открыла глаза, сладко потянулась, понежилась еще несколько минут в постели, а потом хотела было спустить ноги на пол... и тут же подобрала их на полку.

Посреди её купе, разбросав руки и ноги, лицом вниз лежал неизвестный мужчина в черном, в перчатках и шейном платке. Судя по виду — тут Каролина все-таки дотянулась до него и пощупала пульс, — был он мертвее мертвого.

— Какая прелесть! — сказала женщина. Не то чтобы она действительно считала незнакомых покойников такой уж прелестью, но надо же было как-то реагировать? — А о моей репутации он, конечно, не подумал...

В самом деле, если, ложась спать, она никаких мужчин в своем купе не обнаружила, а поутру один такой тут оказался, значит, он провёл наедине с Каролиной какое-то время. А это, как ни крути, для дамы незамужней — серьезный удар по репутации!

— Откуда же ты взялся? — продолжала размышлять она, не прикасаясь, однако, более к покойнику.

Беглый осмотр показал, что коврик, который она подоткнула под дверь купе, сдвинут, следовательно, гость явился именно этим путем. Как он эту дверь открыл, вопрос второй. Третий вопрос — что ему понадобилось? Тут Каролина могла с большой долей уверенности утверждать: или она сама, или её драгоценности. В выборе варианта она, не чуждая некоторой тщеславности, колебалась. Четвертый вопрос — отчего бедолага умер, ведь не от лицемерия же неземной красоты Каролины! — она решила приберечь для специалиста, равно как и пятый — что теперь делать с трупом.

— Как бы там ни было, — сказала женщина вслух, — негоже лишать себя завтрака!..

...— Каролина снова опаздывает, — заметил генеральный следователь, дегустируя овсянку. Судя по выражению его лица, сегодня повара постарались и учли замечания.

— Она делает это виртуозно, — ответил доктор, с тоской глядя на остывающие булочки. — И её появление всегда рассчитано с точностью до мгновения. Вам ли не оценить!

— По моим подсчетам, она должна была появиться три минуты назад, когда на соседний столик подавали кофе, — сказал Руперт и щелкнул крышкой брегета. — Это увеличило бы эффект. Однако... А!

— Доброе утро, господа, — прошептала Каролина, — искренне прошу извинить за опоздание...

Каролина, как обычно, выглядела превосходно: утреннее лёгкое платье пепельно-розового цвета, жемчужный кулон на шее, волосы приподняты с висков и распущены по плечам нарочито небрежными локонами (и, право, они стали заметно светлее с прошлого

вечера), серые глаза сияют...

– Снова выбирали духи? – поинтересовался Бессмертных.

– Не совсем, – уклончиво ответила она, усаживаясь и с улыбкой принимая у Дэвида чашечку кофе. – Просто очень сложно собираться, когда у тебя в купе лежит труп.

– Труп? – уточнил тот. – Вы уверены?

– Вы меня обижаете, – фыркнула Каролина. – Что же я, по-вашему, никогда трупов не видела?

– Чем же вы его так? – с профессиональным интересом в голосе спросил доктор.

– Ах, если бы я! – огорченно воскликнула женщина и принялась намазывать тост джемом. – По меньшей мере, это было бы не так обидно. А так... представьте себе, я ума не приложу, что с ним стряслось.

– Вы, надеюсь, не трогали его?

– Нет, господин генеральный следователь, – смиренно ответила Каролина. – Я, видите ли, достаточно давно работаю секретарем-делопроизводителем в вашем ведомстве, чтобы знать – нельзя ничего трогать на месте преступления... если это, конечно, преступление. И я даже не завизжала!

– Похвально, – с непроницаемым лицом произнес Руперт.

– Правда, мне всё же пришлось переступить через него, – повинилась та, – иначе я не смогла бы одеться, а появляться за завтраком в таком респектабельном вагоне-ресторане неглиже – это несколько... эксцентрично, вы не находите?

Дэвид почему-то покраснел. Оперативники переглянулись и хмыкнули.

– Купе я заперла снаружи и повесила табличку «Не беспокоить», – добавила Каролина. – Просто на всякий случай. И оставила Пушистика караулить.

– Прекрасно, – кивнул следователь и подпер щеку рукой. – Просто прекрасно, господа. Мы только отбыли из столицы, и вот – уже труп. Впрочем, не будем говорить об этом за завтраком. Заканчивайте и идем взглянем, кто же посетил нашу дорогую Каролину глухой ночью...

Завтракали почти в полном молчании, изредка лишь перебрасываясь короткими фразами наподобие «передайте сахар, пожалуйста» или «будьте любезны, еще кофе». Затем поодиночке потянулись в вагон. Оперативники приглядывали, чтобы никто не последовал за ними, но здешняя публика привыкла завтракать долго и со вкусом, так что в купе Каролины всем удалось войти незамеченными. Правда, разместиться с удобством не вышло, Каролине пришлось взобраться на полку, чтобы мужчины могли хотя бы встать вдоль стен, и то Берт вынужден был остаться за дверью – приглядывать за коридором.

– Чем пахнет? – первым делом спросил Ян, поводя чутким носом. – Госпожа Каролина, вы что, снова комаров травите?

– Да, – кивнула та. – Залетел какой-то, не давал спать...

– Окно заперли, двери... – Ян потыкал носком ботинка в свернутый коврик. – Загерметизировали купе, в общем. Да?

– Совершенно верно, – скорбно сказала Каролина, накинула на шею манто и нежно его погладила.

– Сейчас-то оно уже поветрилось, – продолжал Ян, – но могу представить, каково оно было ночью...

– На что вы намекаете? – удивилась женщина.

Генеральный следователь тем временем приблизился к трупу и осторожно повернул его

голову.

– Знакомая физиономия, – сказал он и рывком оторвал фальшивые бакенбарды у покойника. – Дэвид, взгляните.

– Да, действительно, знакомая, – наклонившись, согласился стажёр. – Э-э...

– Тренируйте память, – вздохнул Руперт. – Ну куда это годится? Лицо помните, имя – нет...

– Я помню! – оскорбился Дэвид. – Просто... не сразу сообразил. Это Шон Щипайло, работает в основном по поездкам, маскируется под состоятельного господина... только никогда не оплачивает счета. Сюда забрался, скорее всего, чтобы украсть кольцо, – он указал на висящую на крючочке драгоценность.

– Вот это же самое, включая клички, особые приметы и послужной список, у вас должно от зубов отлетать, – заметил наставник и уступил место доктору. – Теодор, идите, взгляните.

– Угу, – промычал Немертвых, наклоняясь к трупу и бесцеремонно его ощупывая и разглядывая. – Ну-с, судя по всему, смерть наступила около шести часов назад вследствие спазма дыхательных путей, повлекшего за собой черепно-мозговую травму, оказавшуюся фатальной.

– А?.. – удивился Дэвид.

– Проще говоря, – сказал доктор, снимая перчатки, – этот субъект начал задыхаться, упал и ударился виском об угол вот этого столика. Кстати, на нём и следы крови видны.

– При виде Каролины у любого перехватит дыхание, – усмехнулся генеральный следователь.

– Но откуда взялся этот спазм? – продолжал недоумевать Дэвид.

Остальные переглянулись с заговорщицким видом, и стажёр обиделся: они явно что-то знали, но делиться знанием не собирались.

На самом же деле всё было очень просто. До того, как стать секретарем-делопроизводителем, Каролина Кисленьких работала в исследовательской лаборатории. Её, в сущности, всё устраивало: и хороший коллектив, и интересное занятие... вот разве что начальство периодически журило ее за многостраничные отчеты, изобилующие архаизмами наподобие «иже», «дабы» и «понеже», но это можно было стерпеть. И вот в этой-то лаборатории и велись разработки кое-каких своеобразных веществ, например, универсального отпугивателя комаров, запах которого смог бы распространять сам носитель-человек. Как многие исследователи, девушки из лаборатории свои разработки испробовали на себе, а поскольку удержаться не могли, то (используя казённое оборудование и реактивы!) добавили препарату свойство производства определенных феромонов – с тем, чтобы запах комаров отпугивал, а мужчин, наоборот, притягивал... Самые же продвинутые (вроде Каролины) пошли еще дальше и усложнили задачу, модифицировав препарат настолько, что теперь можно было усилием воли генерировать запах любых, даже самых дорогих духов...

Но вот, очевидно, вчера Каролина совершенно забыла, что благоухает «Солнечной столицей», подключила режим отпугивания комаров, и запахи эти создали такую смесь, что человек неподготовленный едва не потерял сознание. И потерял бы, если бы прежде того не ударился о металлический угол столика и не отошел в мир иной!

– Я была непростительно беспечна... – вздохнула Каролина. – Но теперь хотя бы ясно, отчего он умер...

– Остался вопрос, что с ним делать, – сказал доктор. – Заявить?

– Забавная шутка, – усмехнулся Руперт. – Нет, заявлять мы, пожалуй, не станем. Господа, позовите Берта, придется потесниться... Давайте думать, как избавиться от трупа.

Кто бы подумал, что членам следственной группы придется решать такую задачу! Однако приходилось: привлекать к себе внимание таким скандалом не хотелось совершенно.

– Позвольте, – подал голос Пол, и Каролина подвинулась. Пол вытащил из дипломата бланк расстрельного приговора и вечное перо, быстро заполнил все необходимые графы, дождался, пока высохнут чернила, сложил приговор и засунул его за пазуху покойнику. – Будем считать, что скоросудие настигло преступника.

– Прекрасный ход, – одобрил Руперт. – Но проблемы наличия трупа в купе Каролины это не отменяет.

– Можно выбросить на длинном перегоне из поезда, – предложил Дэвид.

– Рано или поздно всё равно найдут, – покачал головой следователь. – К тому же всегда есть вероятность, что кто-нибудь что-нибудь да заметит.

– Оттащить его в купе... Он ведь не зайцем здесь едет, верно? Можно инсценировать несчастный случай.

– В таком случае, Дэвид, вы сами будете его переодевать, – сказал Бессмертных. – Я бы, конечно, зачёл вам подобную инсценировку, окажись она убедительной, за прохождение одного из курсов стажировки, но, по-моему, таскать по коридору трупы преступников из одного купе в другое – это уж чересчур. Тем более, тащить придется ночью. Вы хотите, чтобы он весь день осквернял воздух в купе Каролины?

Дэвид вздохнул и умолк. По части воображения он докой не был.

– Расчленишь и выбросишь по частям, – предложил Берт.

– Ну... – доктор покосился сперва на труп, потом на свой саквояж, с которым не расставался. – Положим, я смогу это сделать. Но, во-первых, работа это долгая и грязная. Купе Каролины придёт в неопиcуемый вид. Во-вторых... В итоге нам же и придётся собирать ошметки этого неудачника на протяжении нескольких миль.

– Скормить гвардейцам? – подал голос Ян.

– Вы полагаете, господин поручик позволит травить личный состав всякой дрянью? – ядовито осведомился доктор. Дэвид недоуменно покосился на него, но объяснений не последовало.

– Я бы предложила отдать его Пушистику, – сказала Каролина, поглаживая манто. Дэvidу казалось, будто оно шевелится. – Но тело великовато, а у Пушистика и так несварение... Теодор, вы потом посмотрите?

– Непременно, – кивнул тот.

– Еще варианты? – спросил генеральный следователь. – Поразительно...

– А у вас какое предложение? – осмелел Дэвид.

– В топку – и кранты, – лаконично высказался Руперт.

– То есть... нет, это отличное решение, – зачастил стажер, – но ведь тело опять-таки придется таскать по коридорам, а еще кочегар...

– Дэвид, я сейчас пожалею, что взял вас на стажировку, – произнёс Бессмертных строго. – Вы даже не поинтересовались техническими характеристиками Большого Королевского экспресса. Чему вас только учили?

– А-а...

– В этом поезде реализована автоматическая подача угля в топку, – отчеканил следователь. – Великолепное техническое решение. Ни машинист, ни кочегар ничего не

увидят, поэтому задача заключается только в том, чтобы уложить тело на ленту транспортёра...

– А займутся этим, как обычно, оперативники, – заключил Берт. – Так я и знал, что какая-нибудь пакость приключится...

– Приступайте, – сказал Бессмертных и удалился, вертя в пальцах универсальный ключ, найденный в кармане покойного вора.

– Госпожа Каролина, мы вас потесним немножечко, – извиняющимся тоном сказал Ян.

– О, я, пожалуй, пока навещу Теодора, он обещал взглянуть на Пушистика, – вскочила на ноги женщина. – Думаю, это как раз подходящий случай...

– Да, разумеется, – сказал тот галантно.

– Знаете, я думаю, он съел что-то не то, – затихал в коридоре голос Каролины. – Иногда он очень неразборчив, а я, к стыду своему, не умею с этим справляться...

– Немного касторового масла и мягкий массаж – и все будет в порядке, – успокаивающе говорил доктор.

Пол тоже поднялся и вышел, не проронив более ни слова.

– А вы что встали? – спросил Ян Дэвида. – Помогайте! Работенка та еще...

Работа оказалась в самом деле не из легких: вор был мужчиной крупным и, если протащить его в выставленное окно купе удалось без особых проблем, то вот поднять на крышу вагона и таким образом перенести к тендеру оказалось уже тяжелее. Впрочем, Берт и Ян были ребятами бывалыми, так что особенно не унывали, а вот Дэвид, который из чистого упрямства полез им помогать, был уже не рад этому своему порыву. Это очень романтично наблюдать в синематографе: герой прыгает с крыши на крышу, отстреливается от врагов... Однако в реальности крыши оказались скользкими, перепрыгивать с вагона на вагон и так-то было делом непростым, а уж волоча за собой тяжеленного покойника – так и втройне! Однако Дэвид стиснул зубы и дотерпел до конца. Умудрился даже ни разу не сорваться, чем очень гордился.

– Ну вот, – сказал, наконец, Ян, отряхивая руки, когда незадачливый вор Щипайло отправился по транспортеру прямо в огнедышащую топку паровоза. – Всего и делов-то!

Дэвид мрачно кивнул, осознавая, что предстоит еще обратный путь. Пусть без покойника, но всё же...

– Ничего, господин Дубовны, – ободряюще сказал ему Ян, уловив, видимо, настроение стажера. – Привыкнете еще и не к такому!

– Надеюсь... – вздохнул тот...

Они поспели как раз к обеду. За столом Бессмертных читал экстренный выпуск «Столичного вестника» – его передавали по телеграфу прямо на борт экспресса, а Каролина, очень довольная (должно быть, таинственному Пушистику полегчало), кокетничала с доктором. На Теодора ее чары не действовали, да Каролина и не рассчитывала на это, просто оттачивала мастерство.

– Подумать только! – сказал генеральный следователь, складывая газету. – Снова дело орфографов-заговорщиков. Ну никак не уймутся, сколько лет уж их гоняют...

– Веков, – уточнил Пол и снова замер.

– Ваша правда, – кивнул Руперт. – Вот неутомонные! Эту бы энергию...

– Да на лесоповал, – закончил Топорны.

– Можно и туда, – благодушно согласился следователь. По традиции экспресс-трибунал приговаривал заговорщиков к исправительным работам... на территории северного соседа.

Часть их обменивали на солдат, но временами приходилось приплачивать. Однако беарийцы обеспечивали необходимую строгость режима, и это было всяко дешевле, чем содержать тюрьмы и лагеря на месте. К тому же беарийцы не возражали: они отлично наживались на продаже древесины.

— А что они придумали на этот раз? — спросила Каролина.

— Ну разве они могут выдумать что-то новое? Снова подняли вопрос о правильном написании названия нашей страны...

Вопрос действительно уже много веков не давал покоя пытливым умам, с тех самых пор, как предок Кароля XVII явился в эту страну и захватил трон. Его тоже звали Каролем, как всех королей этой династии, а поскольку прежде он был просто вожаком шайки Отважненьких (и он, как и семнадцатый по счету Кароль, смертельно оскорблялся, если придворные лизоблюды осмеливались назвать его Отважным, или, боже упаси, Храбрым), то читать и писать умел не очень хорошо. (Зато правил железной рукой, что, согласитесь, немаловажно). Длинные названия у нового самодержца в голове не задерживались, поэтому он и постановил называть государство Каролевством. Он Кароль — и он правит Каролевством. Точка. Ничто иное его не интересовало. Окружающие какое-то время путались, но экспресс-трибуналы исправно делали своё дело, и постепенно всё вошло в привычную колею. Большинству ведь нет особого дела до того, как именуется их государство, жилось бы хорошо! А при Отважненьких жилось очень даже недурно. Единственный минус: самым опасным занятием теперь считалась профессия королевского глашатая. Иностранных государей надо было именовать, как угодно — Их величествами, самодержцами, императорами, царями, владетельными князьями, государями, шахами... только не королями. Кароль был только один, и попробуй только, ошибись и поставь ударение не туда! Поэтому глашатаи вели исключительно трезвый образ жизни и славились прекрасно подвешенным языком, а со временем эта профессия вовсе сделалась наследственной.

Вот, правда, время от времени кто-то начинал вопиять, что, дескать, нужно писать «королевство», после чего немедленно отправлялся на северный курорт, и в Каролевстве вновь наступала тишь и благодать...

— А вот и вы, — встретил оперативников и Дэвида следователь. — Как прошло дело?

— Без эксцессов, — кратко ответил Ян. Берт кивнул.

Дэвид подумал и кивнул тоже.

— А что-то дым такой черный из трубы шёл? — поинтересовался Бессмертных, снова разворачивая газету. — Недолго, но всё же...

— Тьфу ты! — хлопнул себя по лбу Ян. — Это мы туфли с него снять забыли, а они на каучуковой подошве...

— Дэвид, почему вы не проследили? — обратил следователь острый взгляд на несчастного стажёра.

Тот закрыл глаза и понял, что эту поездку может и не пережить.

Глава 2

Безответная страсть, народные обычаи и чемоданчик коммивояжера

Команда генерального следователя в полном составе вкушала послеобеденный отдых. К сожалению, предаваться этому сладчайшему занятию приходилось прямо в вагоне-ресторане – салон оккупировал господин Сверло-Коптищев, и находиться в одном помещении с ним и терзаемым роялем не могли даже самые закаленные духом пассажиры. Обер-кондуктор уже получил с десятков жалоб от возмущенной публики: господам решительно негде было расписать пульку, а дамам – пообщаться тесной компанией. Дорога многим предстояла долгая, и вынужденно сидеть по своим купе они никак не желали, особенно уплатив за билеты первого класса немало звонких талеров!

Кондуктор клятвенно обещал воздействовать на оголтелого меломана, считавшего, что громкости мало не бывает, но каким образом – не знал никто. Предприимчивый Ян Весло хотел было начать принимать ставки по поводу исхода грядущего противостояния (судя по всему, господин Сверло-Коптищев так просто не сдался бы), Берт Гребло предложил попросту выдрать с десятков струн у несчастного инструмента или переломать музыканту пальцы. («Всего-то и надо – крышкой случайно хлопнуть!») – говорил он и многозначительно косился на Каролину. Каролина же решительно не собиралась исполнять роль поклонницы господина Сверло-Коптищева, поэтому его пальцы пока что оставались в целости и сохранности.)

Сам генеральный следователь пока безмолвствовал, но, скорее всего, по одной лишь причине – он был начисто лишен музыкального слуха, а потому не страдал от всепоглощающей страсти господина Сверло-Коптищева к музыке.

[Купить полную версию книги](#)